

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

МАЛАЯ СЕРИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

Л. В. КАРАСЁВ

ВЕЩЕСТВО ЛИТЕРАТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
К 21

Рецензенты:

докт. филол. наук *Е. М. Мелетинский*
докт. филол. наук *В. Н. Топоров*

Карасев Л. В.

К 21 **Вещество литературы. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 400 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).**

ISBN 5-7859-0211-7

Книга посвящена «классическим» авторам русской литературы — от Пушкина до Платонова. Вместе с тем, это не только анализ конкретных сочинений, но и «теория», философская позиция, позволяющая увидеть хорошо известные вещи в ином, непривычном повороте. Это, своего рода, «незнакомая классика», поскольку героями ее сюжетов оказываются не только «персонажи» в привычном смысле слова, но и те элементы мира, с которыми они вступают в сложные отношения: вещества, формы, объемы, звуки, запахи, направления движения — все то, что составляет онтологическую основу «видимого» сюжета и исподволь оформляет его логику и конфигурацию.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

*В оформлении обложки использована
работа В. Кандинского «Красный овал», 1920*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0211-7

9 785785 902114 >

© Л. В. Карасев, 2001
© Ю. С. Саевич. Оформление
серии, 2000

Моему отцу

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-----------------------	---

Часть I

Текст и энергия	19
---------------------------	----

Часть II

Гоголь и онтологический вопрос	47
О символах Достоевского	77
Движение по склону (вещество и пустота в мире А. Платонова)	127
Толстой и мир	163
Пьесы Чехова	206
Масло на Патриарших	247

Часть III

Nervoso fasciculoso (о «внутреннем» содержании гоголевской прозы)	263
Чехов в футляре	313
Мильон объятий (о романах Гончарова)	337
Вверх и вниз (Достоевский и Платонов)	351
Прикосновение у Пушкина	383
Именной и предметный указатель	396
Summary	399

*Теперь мы видим как бы сквозь
тусклое стекло, гадательно.*

I Кор. 13. 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие всегда проблема, независимо от того, признает это автор или нет. Причем проблема кроется уже в самом поименовании этой — вполне ритуальной — части текста: тот, кто начинает с «предисловия», возможно, отличается от того, кто написал бы: «введение». Последнее, как мне кажется, предполагает наличие некоторой завершенной целостности и ведет к почти уже обязательному «заключению», или, что было бы мне ближе, «вы-ведению».

В нашем случае ни «заключать», то есть подытоживать, суммировать, ни «выводить», то есть предлагать двинуться к новым целям, не приходится. Очерки, составившие эту книгу, представляют собой некоторое интеллектуальное усилие, основания и цели которого, исходя исключительно из «научных» соображений, определить довольно трудно. В этом смысле, подход, который я в начале 90-х гг. назвал «онтологической поэтикой» или «иноформным анализом текста», не выглядит вполне «современным» (если понимать под этим словом круг идей постмодернистского толка). И хотя какие-то переклички с деконструктивистской тактикой в том, что я делаю, наверное, можно обнаружить, это, скорее, будет относиться к внешней стороне дела, нежели к его сути. Дельфин и акула похожи друг на друга, что не мешает им оставаться существами, относящимися к различным биологическим видам. Внешнее сходство, как таковое, может порождаться общими условиями существования; в этом смысле всякий глубинный анализ текста, какими бы ни были его намерения, будет перекликаться с другими устремлениями подобного рода, отличаясь прежде всего в проговариваемых или не вполне осознаваемых целях.

Я снова заговорил о целях, и, возможно, это может дать большее представление об особенностях онтологической поэтики, нежели подробное описание ее методов. Под «целями» я в данном случае понимаю не ближайшие «научные задачи», а, скорее, общую метафизическую направленность, движение к тому бытийному горизонту, где стираются различия между любыми интеллектуальными усилиями и остается главное, что их объединяет: порыв, импульс, надежда на возможное восстановление человека. Кризис философии и науки в двадцатом веке есть, по большей части, кризис «целей», а не каких-то конкретных тактик (другое дело, что для многих интеллектуалов, независимо от того, кто они — постструктуралисты или «академисты», сам разговор на подобную тему кажется неприемлемым). Если же относиться хоть сколько-нибудь серьезно к тому, что называется предназначением человека, то онтологическая поэтика окажется в числе подходов, которые искренне разделяют подобный настрой.

В соответствии со сказанным складывается и профиль онтологически ориентированного подхода: сотрудничество с текстом, чувство родства человека и текста, их соотносительности с каким-то общим для них обоих началом. Собственно, уже сама мысль о том, что в основе повествования лежит некий неуничтожимый импульс («исходный смысл»), который осуществляет, показывает себя по мере движения сюжета в цепочке различных, но сущностно связанных друг с другом вариантов («иноформ»), говорит сама за себя. Тот же пафос различия и во взгляде на текст как на живое существо, стремящееся осуществиться в авторе и читателе и сопротивляющееся стиранию и смерти. В этом смысле «телесность», о которой идет речь в этой книге, заметно отличается от «телесности» Барта, Делеза или Батая, да и вообще от многого из того, что было написано на эту тему в последние десятилетия. По сути, речь должна идти даже не о телесности, как таковой, а о «жизни», внешним, вещественным выражением которой выступает телесность. Поскольку же человек принципиально двусоставен, различие между началом